

Мир детства в Русском Зарубежье в 20-30 гг. XX в.

Багаева Жанна Борисовна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет, Москва, Россия

E-mail: lepidopordios@gmail.com

Как известно, удельный вес детей в российской эмиграции 20-30х гг. XX в. был довольно высок[1]. В связи с этим вопрос численности детей в «первой волне» эмиграции, особенности их социальной и психологической адаптации, отличительные черты русской школы за рубежом стали в наше время одними из объектов внимания отечественных историков и публицистов

Статистическую картину детской эмиграции предоставляет исследователь Л.И. Петрушева. Систематизируя цифровой материал известного эмигрантского педагога В.В. Руднева, она вслед за ним определила общее число беженских детей школьного возраста, нуждавшихся в систематической помощи со стороны зарубежных общественных организаций, в 18 - 20 тыс. Эта цифра значительно расходится со сведениями других представителей российской эмиграции, указывавших и на 45 - 50 тыс., и даже на 400 тыс., которые В.В. Руднев ставит под сомнение.[2] По его подсчетам, к 1924 - 1925 гг. общее число детей беженцев, обучавшихся в зарубежной русской школе, составляло около 12 тыс. От 6 до 8 тыс. детей обучалось в иностранных школах. Из 12 тыс. учеников 3 тыс. посещали школу национальных меньшинств в лимитрофных государствах. Из 9 тыс. учащихся в русской школе только 4 380 содержались полностью в интернатах, остальные жили дома.

В российской эмиграции в 20-30 гг. XX в. была представлена тенденция стремления к изоляционизму, когда очень долго жила надежда возвращения на Родину. Эмигранты были одержимы идеей сохранения всего русского — языка, обычаев, традиции, в том числе и российскую традицию воспитания детей в духе любви к родине, высокие идеалы и культурные достижения. В рамках российского педагогического движения за рубежом открывались российские университеты, гимназии, спортивно-патриотические клубы.[3] Российская эмиграция пыталась сохранить ту же структуру и деление народного образования, которые существовали в дореволюционной России: начальная школа (церковно-приходские, земские и государственные), средняя школа (гимназии, реальные училища), высшие учебные заведения (институты, университеты). Сюда же включались и дошкольные учреждения (детские сады и детские приюты).

Развитие русской школы за рубежом в 20 - 30-е гг. представляло собой поиск путей создания национальной школы, которая должна была дать России граждан, максимально способствовавших бы ее возрождению. Для этого школе предстояло передать детям традиции русской культуры, поставить надежные препоны на пути их денационализации в инородной среде, вне родной земли, в условиях отсутствия собственной государственности, но при этом помочь не оказаться в самоизоляции и использовать достижения мировой культуры[4].

Как известно, условия жизни в эмиграции вызвали новую форму образовательного процесса — «школа-интернат» с совместным обучением. Для ребенка-эмигранта «шко-

ла–семья» стремилась создать обстановку «физически и морально здорового вхождения» в жизнь.[5] Она ориентировалась на то, чтобы не задаваться безнадежной целью дать ученикам возможно больше знаний по всем отраслям, а умело выбрать, насколько это позволяли учебные планы, самое существенное и развивающее, поддерживать и совершенствовать в детях самостоятельное стремление к знанию и самостоятельности. Это говорит о глубокой погруженности эмигрантской педагогики в самые корни человеческого бытия, о культурной и нравственной ускоренности русской зарубежной школы, стремившейся сохранить традиции российской государственности.

Источники и литература

1. Мир детства в Русском Зарубежье. III Культурологические чтения русской эмиграции. М., 2011. С. 15.
2. Петрушева Л. Отцы и дети русской эмиграции // Дети русской эмиграции. М., 1997. С. 8.
3. Сорокин П.А. Педагогическое наследие русского зарубежья. М., 1993. С. 41
4. Образование и педагогическая мысль российского зарубежья 20 - 30-е годы XX века. М., 1997. С. 12 - 13.
5. Беме А. Наблюдения и выводы // Дети эмиграции: Воспоминания. М., 2001. С. 205 - 206.

Слова благодарности

Автор выражает признательность доценту, к.и.н. Барковой О.Н. за помощь в подготовке тезисов.